

Дмитрий Иванов



Я ЗНАЮ, ЧТО ЗНАЧИТ «ПО КРАЮ»...

КРИК

Знаешь, мне хочется крикнуть!
Криком своим целый мир оглушить.
Так, чтоб полопались тыквы
И растрепалась канатная нить.

Дайте, пожалуйста, место!
Дайте упор, удержаться чтоб смог!
Тесно, друзья мои, тесно
На перепутье забытых дорог.

Я протестую! Я против!
Против обыденной серости слов!
Грудь наполняю и... вроде
Крик вездесущий к зачатыю готов.

Пути срываю как будто:
Крик вышел в шепот
И в главный вопрос:
– Милая, доброе утро,
Что тебе снилось и сладко ль спалось?

ПРИЛАГАЕМОЕ

У всех прилагательных
есть сверхзадача,
Без права удачи босого бессилья:
Я – русский!
А это ведь что-то да значит,
Иначе зачем прилагаем к России?

За небо над нами –
ответственность наша,
За землю под нами
запросится с нас же.
Не с тех, кто моложе,
не с тех, кто постарше,
Не с тех, кто войною пошёл
первым даже.

Всё спросится с русских
и спросится с силы,
С миссии судеб, коли мы наделимы,
С богатой и нищей, кормящей России,
С которой вовеки мы все неделимы.

Кто гибели жаждет, падёт под снегами,
Под белыми-белыми горько заплачет.
И будет прощён он Россией и нами...
Я – русский!
А это столь многое значит.

ХУДОЖНИК

И споры, и ссоры,
и ссоры, и споры
Способны мирить
лишь море и горы.
Лишь горы и море,
лишь море и горы,
Синонимы вечных
бескрайних просторов.



От сотен проблем,
от безденежья в горы
Уходит художник,
не видеть чтоб город.
Не видеть унылость,
бессмысленность истин,
Постылость и стылость
капризности жизни.

Один на один
с рюкзаком и мольбертом,
С дождями и снегом,
с порывистым ветром
Он пишет сюжеты
про скальную верность,
И душу согреет
захваченный термос.

И там бы остаться
на дней эдак двадцать,
И там бы скитаться,
но надо спускаться
К друзьям и холстам,
к мечетям и храмам,
Но самое главное –
к старенькой маме...

СПАСИ МЕНЯ

Неумолим судьбы безумный бег:
Жизнь прожита, быть может,
на две трети.
Ещё лежит последний чёрный снег,
Ещё виднеются следы от смерти.

Прости меня.

Прости невольный грех.
Я зачитал до дыр большую душу.
Мне одиночество дарит успех...
Спаси меня! Не дай себя разрушить...

Оставь условности. Отдайся мне.

Позволь отдать,
что не успел растратить.

Позволь присниться в каждом сне...
И ждать меня, когда приду некстати...

Листая мыслей вечных тишину,
Понять пытаюсь, но понять не в силах –
Среди зимы, как ты смогла весну
Вернуть туда, где пустотой сквозило?

Кто приказал, кто разрешал в мечты,
В мои мечты врываться ежечасно?
Какою силой обладаешь ты?!
Какие таинства тебе подвластны?!

Спаси меня. Спаси же ото всех!
И укроти терзающую стужу...
У ног твоих лежит невольный грех,
Опав листвою в мятущуюся душу.

ЛЮБОВЬ – ЭТО...

Любовь – это значит отдаться поэзии,
Идти босиком по иголкам, по лезвиям.
Любовь – это значит и боль,
и сомнения,
И радость, и горе, и даже забвение.

Идти, замирая, над пропастью страха,
По нотам Сальери, по клавишам Баха.
Идти к долгожданной неведомой цели,
И, смерти желая, стремиться к дуэли.

Любовь – это прямо!

Ни влево, ни вправо.
Любовь – это право на счастье отравы.
Пусть даже всего лишь
хотя б на минуту
Стать нежным
и нужным на свете кому-то.

БЕЗ ТЕБЯ

Улеглась тоска, тоска зелёная
И, надеюсь, не вернётся вдруг.
Светят звёзды, звёзды изумлённые,
Скорбные предвестники разлук.

Забрела весна, весна бесстыжая,
Заставляет позабыть про стыд.

Всё черно, когда тебя не вижу я,
Без тебя и воздух ядовит.

Что за роли, роли все жестокие
Выдаёт судьба из-за кулис...
Без тебя все ночи одинокие,
Да такие – волком заскулишь.

ИСТИНА

Пригоршню звёзд,
зачерпнув с небосвода,
Хочешь, под окна к тебе принесу я,
Нежность свою на стекле нарисую
И прогоню суету и невзгоды?

Втоптаным быть не боюсь я толпою
И не страшусь ни врагов, ни ошибок –
Всё это мелочи, милая, ибо
Истинный страх – это быть не с тобою.

ГЛАЗА В ГЛАЗА

Опали девственные маки
Беспечно-чувственной зари.
Забудь сомненья, без утайки
Глаза в глаза мне посмотри.

Глаза в глаза.
Ты видишь, сколько
В них нерастраченных надежд.
Здесь масок нет.
Душа в иголках.
Здесь мой отчаянный рубеж.

Глаза в глаза.
Ты говоришь мне:
Не торопи, настанет срок.
А я боюсь, что стану лишним
И горький выучу урок.

И потому хочу, чтоб вскоре
Твой взгляд влюбленный мне сказал:
Ты для меня стал очень дорог...
Глаза в глаза. Глаза в глаза.

СМУТА

Заглянул в окошко мойщик,
По руке ползет улитка –
Ей позволено чуть больше,
Ну а мне сплошные пытки.

Распродажа нынче в ЦУМе,
Тучки бегают под солнцем...
Я завидую шампуню,
Что волос твоих коснётся.

В небе звёздочки потухли,
Дождик льёт слезу скупую...
Я ревную даже к туфлям,
Что ступни твои целуют.

Несуразица как будто,
Но не так, поверь мне, это.
Просто каждую минуту
Ум смущаешь ты поэта.

ПРОСТО

Любимая, как сложно всё и просто, –
Моя душа, как грустный этот стих.
Любимая, мне ненавистны звёзды,
Когда они не светят для двоих.

Любимая, когда тебе взгрустнётся,
Возьми и просто вспомни обо мне.
Моя любовь в твою ладонь прольётся,
И я приду в бездонной тишине.

Приду к тебе и, взяв тебя за руку,
Я все печали сердцем прогоню.
Возьму себе твою любую муку
И грех любой возьму себе в вину.

БОГИНЕ

Медь заката в печке стынет,
В печке магов и чертей.
Я иду к своей богине –
К тайной женщине-мечте.

Поднимаюсь по ступеням,
И иллюзий вьётся нить...
Мне б к божественным коленям
Тихо голову склонить.

Словно в старой киноленте
Совершенству ты под стать.
Захожу, ищу момента,
Чтоб тебя поцеловать.

Всю свою шальную нежность
Подношу, но тут она
Оттолкнёт меня небрежно, –
И ударит тишина...

ПАЛАЧ

Не убавил и не приумножил я
Ничего, что могло стать будущим.
Старый город под тучами съёжился,
А палач-то какой! Залюбуешься!

Чёрный саван, расписанный золотом...
Кто хозяин здесь, чтобы помнили,
Над моим непокладистым городом
Громыкает и мечет молнии.

Я грозу как знамение чувствую,
Значит, боль мою защитила страсть.
Лишь толпа безысходная, чуждая
Под зонтами вдруг ошетибилась.

СИРЕНЬ

Друзья мои,
прервался грешный путь...
Не нужно слёз,
не нужно лишней скорби:
Я в землю лёг, чтоб толком отдохнуть
И чтоб сирень в меня пустила корни.

Вскормив её, отдам, что было мной,
И лягу тенью над своим распятым.
Я буду ждать вас каждую весной,
Когда она цветами вышьет платья.

Как водится, сто грамм за упокой,
И обо всём, что есть, поговорите.
Я буду с вами каждой строкой...
Впитает всё тенистая обитель.

Весною здесь спокойно на душе,
А в пасху даже навещают дети,
Но не обнять любимую уже
И не проснуться с нею на рассвете.

Друзья мои, какая всё же жуть –
Не целовать любимые ладони...
Я в землю лёг, чтоб толком отдохнуть
И чтоб сирень в меня пустила корни.

СЮР

Я слышал, как кто-то хрипло кричал:
– Пропустите поэта в вечность!
Какая беспечность.
Ждите.

Поэт не поёт, не пьёт, устал...
Не надо наитий –
Не тот пьедестал
За слишком высокую цену:
Лезвием шаркнуть по жилам и венам.
Не церемониться можно с поэтом...
Разутый, раздетый, но в этом
Не слабость, но сила
под тяжестью клетки;
На «ты» он с судьбою
в любовниках смерти.

А ваши сомненья
Всего лишь заплечность
Суждений и мнений
Из слухов и сплетен.
А значит, поэта проклятьем пометим,
А после отпустим...
куда-нибудь в вечность.

Я ЗНАЮ

Мне кажется я на манеже
В цепях и под клоунской маской.
И уши карябает скрежет
Ухмылок желавших – «Фиаско!»

Билеты раскуплены. Жаждут
 Проступка, провала и смерти.
 Довольным останется каждый,
 Кто гладил меня против шерсти.

Я знаю, что значит «по краю»...
 Не смог, не сумел без помарок...
 Сегодня для вас я играю –
 Держите, паденье в подарок!

Застряла душа в лабиринте,
 Не стоит для вас, но надо:
 Я грудь разрываю, смотрите –
 Заплёвана желчью и ядом...

Я знаю, как падают в бездну,
 Как в душу впивается стужа.
 Я верил: с любовью воскресну,
 Да вдруг оказался не нужным.

РЕЖИССЁРУ Ж. Б. БОДАУБАЕВОЙ

Мой режиссёр, вы в главной роли,
 А это значит – вновь к барьеру.
 И лучшей нет на свете доли,
 И что ни день, то вновь премьера.

Вам роль дана, где грусть и слёзы –
 Её сыграть не сможет всякий...
 Из луж лакает осень звёзды
 Подобно брошенной собаке...

ПОЭТУ ПЕТРУ ГУЛДЕДАВЕ

Никогда не бывал я в Тбилиси,
 Значит, жизнь предо мною в долгу,
 Но частичку его среди писем
 Неизменно в столе берегу.

Если тронут сердце стихами,
 Значит, вышел отменный замес.
 И спадает с него тяжкий камень,
 И судьбы облегчается крест.

Не позволит поэт душу лапать,
 Даже если с собой не в ладу.
 Перед вами снимаю я шляпу
 И перо на бумагу кладу...

Если русский в душе, это значит,
 Что с великим народом един.
 И, конечно, не могут иначе
 «Русский немец
 и русский грузин».

ГАЗИЗУ БАЙТАСОВУ...

Каждому свой перекрёсток,
 Каждый свой путь очертит.
 Только совсем не просто
 Встать на пути у смерти.

Это вам не авантюра.
 Подвиг, скажу я, даже –
 Броситься на амбразуру
 В мирное время наше!

Он о себе в те мгновенья
 Думать не смел – и что же?
 Он не ушёл в забвенье,
 Спасая собой прохожих.

В горле лишь ком и спасибо...
 Страшно спросить порою:
 – Мы бы вот так смогли бы
 Других заслонить собою?

г. Тараз

